

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин

Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набираться ума-разума
Как-то в одной библиотеке, вечером, часов этак в шесть, заспорили персонажи
русской классической литературы. Ещё когда библиотекарша была на месте, они с
интересом посматривали на неё со своих полок – ждали. Библиотекарша напоследок
поговорила с кем-то по телефону... Говорила она странно, персонажи слушали и не
понимали. Удивлялись.

– Да нет, – говорила библиотекарша, – я думаю, это пшено. Он же козёл... Пойдём
лучше потопчемся. А? Нет, ну он же козёл. Мы потопчемся, так? Потом пойдём к
Владику... Я знаю, что он баран, но у него «Грюндик» – посидим... Тюлень тоже
придёт, потом этот будет... филин-то... Да я знаю, что они все козлы, но надо же
как-то расстрелять время! Ну, ну... слушаю...

– Ничего не понимаю, – тихо сказал некто в цилиндре – не то Онегин, не то Чацкий
– своему соседу, тяжёлому помещику, похоже, Обломову.

Обломов улыбнулся:

- В зоопарк собираются.
- Почему все козлы-то?
- Ну... видно, ирония. Хорошенькая. А?

Господин в цилиндре поморщился:

- Вульгаритэ.
- Вам всё французенок подавай, – с неодобрением сказал Обломов. – А мне
глянется. С ножками – это они неплохо придумали. А?
- Очень уж... того... – встрял в разговор господин пришибленного вида, явно
чеховский персонаж. – Очень уж коротко. Зачем так?

Обломов тихо засмеялся:

- А чего ты смотришь туда? Ты возьми да не смотри.
- Да мне что, в сущности? – смутился чеховский персонаж. – Пожалуйста. Почему
только с ног начали?
- Что? – не понял Обломов.
- Возродиться-то.
- А откуда же возрождаются? – спросил довольный Обломов. – С ног, братец, и
начинают.
- Вы не меняетесь, – со скрытым презрением заметил Пришибленный.

Обломов опять тихо засмеялся.

– Том! Том! Слушай сюда! – кричала в трубку библиотекарша. – Слушай сюда! Он же
козёл! У кого машина? У него? Нет, серьёзно? – Библиотекарша надолго умолкла –
слушала. – А каких наук? – спросила она тихо. – Да? Тогда я сама козёл...

Библиотекарша очень расстроилась... Положила трубку, посидела просто так, потом
встала и ушла. И закрыла библиотеку на замок.

Тут персонажи соскочили со своих полок, задвигали стульями...

- В темпе, в темпе! – покрикивал некто канцелярского облика, лысый. – Продолжим.

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Кто ещё хочет сказать об Иване-дураке? Просьба: не повторяться. И – короче.
Сегодня мы должны принять решение. Кто?

– Позвольте? – это спрашивала Бедная Лиза.

– Давай, Лиза, – сказал Лысый.

– Я сама тоже из крестьян, – начала Бедная Лиза, – вы все знаете, какая я бедная...

– Знаем, знаем! – зашумели все. – Давай короче!

– Мне стыдно, – горячо продолжала Бедная Лиза, – что Иван-дурак находится вместе с нами. Сколько можно?! До каких пор он будет позорить наши ряды?

– Выгнать! – крикнули с места.

– Тихо! – строго сказал Лысый конторский. – Что ты предлагаешь, Лиза?

– Пускай достанет справку, что он умный, – сказала Лиза.

Тут все одобрительно зашумели.

– Правильно!

– Пускай достанет! Или пускай убирается!..

– Какие вы, однако, приткие, – сказал огромный Илья Муромец. Он сидел на своей полке – не мог встать. – Разорались. Где он её достанет? Легко сказать...

– У Мудреца, – Лысый, который вёл собрание, сердито стукнул ладонью по столу. – Илья, я тебе слова не давал!

– А я тебя не спрашивал. И спрашивать не собираюсь. Закрой хлебало, а то враз заставлю чернила пить. И промокашкой закусывать. Крыса конторская.

– Ну, начинается! – недовольно сказал Обломов. – Илья, тебе бы только лаяться. А чем плохое предложение: пускай достанет справку. Мне тоже неловко рядом с дураком сидеть. От него портянками пахнет... Да и никому, я думаю, не...

– Цыть! – громыхнул Илья. – Неловко ему. А палицей по башке хошь? Достану!

Тут какой-то, явно лишний, заметил:

– Междоусобица.

– А? – не понял Конторский.

– Междоусобица, – сказал Лишний. – Пропадём.

– Кто пропадёт? – Илья тоже не видел опасности, о какой говорил Лишний. – Сиди тут, гусарчик! А то достану тоже разок...

– Требую удовлетворения! – вскочил Лишний.

– Да сядь! – сказал Конторский. – Какое удовлетворение?

– Требую удовлетворения: этот сидень карачаровский меня оскорбил.

– Сядь, – сказал и Обломов. – Чего с Иваном-то делать?

Все задумались. Иван-дурак сидел в углу, делал что-то такое из полы своего армяка, вроде ухо.

– Думайте, думайте, – сказал он. – Умники нашлись... Доктора.

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Не груби, Иван, – сказал Конторский. – О нём же думают, понимаешь, и он же ещё сидит грубит. Как ты насчёт справки? Может, сходишь возьмёшь?

– Где?

– У Мудреца... Надо же что-то делать. Я тоже склоняюсь...

– А я не склоняюсь! – бухнул опять Илья. – Склоняется он. Ну и склоняйся сколько влезет. Не ходи, Ванька. Чушь какую-то выдумали – справку... Кто это со справкой выскочил? Лизка? Ты чего, девка?

– А ничего! – воскликнула Бедная Лиза. – Если ты сидишь, то и все должны сидеть? Не пройдёт у вас, дядя Илья, эта сидячая агитация! Я присоединяюсь к требованию ведущего: надо что-то делать. – И она ещё раз сказала звонко и убедительно: – Надо что-то делать!

Все задумались.

А Илья нахмурился.

– Какая-то «сидячая агитация», – проворчал он. – Выдумывает чего ни попадя. Какая агитация?

– Да такая самая! – вскинулся на него Обломов. – Сидячая, тебе сказали. «Ка-ка-ая». Помолчи, пожалуйста. Надо, конечно, что-то делать, друзья. Надо только понять: что делать-то?

– И всё же я требую удовлетворения! – вспомнил свою обиду Лишний. – Я вызываю этого горлопана (к Илье) на дуэль.

– Сядь! – крикнул Конторский на Лишнего. – Дело делать или дуэлями заниматься? Хватит дурака валять. И так уж ухлопали сколько... Дело надо делать, а не бегать по лесам с пистолетами.

Тут все взволновались, зашумели одобрительно.

– Я бы вообще запретил эти дуэли! – крикнул бледный Ленский.

– Трус, – сказал ему Онегин.

– Кто трус?

– Ты трус.

– А ты – лодырь. Шулер. Развратник. Циник.

– А пошли на Волгу! – крикнул вдруг какой-то гулевой атаман. – Сарынь на кичку!

– Сядь! – обозлился Конторский. – А то я те покажу «сарынь». Задвину за шкаф вон – поорёшь там. Ещё раз спрашиваю: что будем делать?

– Иди ко мне, Атаман, – позвал Илья казака. – Чего-то скажу.

– Предупреждаю, – сказал Конторский, – если затеете какую-нибудь свару... вам головы не сносить. Тоже мне, понимаешь, самородки.

– Сказать ничего нельзя! – горько возмутился Илья. – Чего вы?! Собаки какие-то, истинный бог: как ни скажешь – всё не так.

– Только не делайте, пожалуйста, вид, – с презрением молвил Онегин, обращаясь к Илье и к казаку, – что только вы одни из народа. Мы тоже – народ.

– Счас они будут рубахи на груди рвать, – молвил некий мелкий персонаж вроде гоголевского Акакия Акакиевича. – Рукава будут жевать...

– Да зачем же мне рукава жевать? – искренне спросил казачий атаман. – Я тебя на одну ладошку посажу, а другой прихлопну.

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Всё – междоусобица, – грустно сказал Лишний. – Ничего теперь вообще не сделаем. Вдобавок ещё и пропадём.

– Айда на Волгу! – кликнул опять Атаман. – Хоть погуляем.

– Сиди, – сердито сказал Обломов. – Гуляка.. Все бы гулять, все бы им гулять! Дело надо делать, а не гулять.

– А-а-а, – вдруг зловеще тихо протянул Атаман, – вот кохо я искал-то всю жнзню. Вот кохо мне надоть-то... – И потащил из ножен саблю. – Вот кому я счас кровя-то пущу...

Все повскакали с мест...

Акакий Акакиевич птицей взлетел на свою полку, Бедная Лиза присела в ужасе и закрылась сарафаном... Онегин судорожно заряжал со ствола дуэльный пистолет, а Илья Муромец смеялся и говорил:

– О-о, забегали?! Забегали, черти драповые?! Забегали!

Обломов загородился от казака стулом и кричал ему, надрываясь:

– Да ты спроси историков литературы! Ты спроси!.. Я же хороший был! Я только лодырь беспросветный... Но я же безвредный!

– А вот похлядим, – говорил Казак, – похляди-им, какой ты хороший: хороших моя сабля не секётъ.

Конторский сунулся было к казаку, тот замахнулся на него, и Конторский отскочил.

– Бей, казаче! – гаркнул Илья. – Цеди кровь поганую!

И бог знает, что тут было бы, если бы не Акакий Акакиевич. Посреди всеобщей сумятицы он вдруг вскочил и крикнул:

– Закрыто на учёт!

И все замерли... Опомнились. Казак спрятал саблю, Обломов вытер лицо платком, Лиза встала и стыдливо оправила сарафан.

– Азия, – тихо и горько сказал Конторский. – Разве можно тут что-нибудь сделать! Спасибо, Акакий. Мне как-то в голову не пришло – закрыть на учёт.

– Илья, у тя вина нету? – спросил Казак Муромца.

– Откуда? – откликнулся тот. – Я же не пью.

– Тяжко на душе, – молвил Казак. – Маяться буду...

– А нечего тут... размахался, понимаешь, – сказал Конторский. – Продолжим. Лиза, ты чего-то хотела сказать...

– Я предлагаю отправить Ивана-дурака к Мудрецу за справкой, – сказала Лиза звонко и убеждённо. – Если он к третьим петухам не принесёт справку, пускай... я не знаю... пускай убирается от нас.

– Куда же ему? – спросил Илья грустно.

– Пускай идёт в букинистический! – жёстко отрезала Лиза.

– О-о, не крутенько ли? – усомнился кто-то.

– Не крутенько, – тоже жёстко сказал Конторский. – Нисколько. Только так. Иван...

– Аиньки! – откликнулся Иван. И встал.

– Иди.

Иван посмотрел на Илью.

Илья нагнул голову и промолчал. И Казак тоже промолчал, только мучительно сморщился и поискал глазами на полках и на столе – всё, видно, искал вино.

– Иди, Ванька, – тихо сказал Илья. – Ничего не сделаешь. Надо идти. Вишь, какие они все... учёные. Иди и помни: в огне тебе не гореть, в воде не тонуть... За остальное не ручаюсь.

– Хошь мою саблю? – предложил Казак Ивану.

– Зачем она мне? – откликнулся тот.

– Иван, – заговорил Илья, – иди смело – я буду про тебя думать. Где тебя пристигнет беда... Где тебя задумают погубить, я крикну: «Ванька, смотри!»

– Как ты узнаешь, шо ехо пристихла беда? – спросил Казак.

– Я узнаю. Сердцем учую. А ты мой голос услышишь.

Иван вышел на середину библиотеки, поклонился всем поясным поклоном... Подтянул потуже армячишко и пошёл к двери.

– Не поминайте лихом, если где пропаду, – сказал с порога.

– Господь с тобой, – молвил Обломов. – Может, не пропадёшь.

– Придёшь со справкой, Иван, – взволнованно сказала Лиза, – я за тебя замуж выйду.

– На кой ты мне чёрт нужна, – грубо сказал Иван. – Я лучше царевну какую-нибудь стрёну...

– Не надо, Иван, – махнул рукой Илья, – не связывайся. Все они... не лучше этой вот. – Показал на Лизу. – На кой ляд тебе эта справка?! Чего ты заегозила-то? Куда вот парню... на ночь глядя! А и даст ли он её, справку-то, ваш Мудрец? Тоже небось сидит там...

– Без справки нельзя, дядя Илья, – решительно сказала Лиза. – А тебе, Иван, я припомню, что отказался от меня. Ох, я те припомню!

– Иди, иди, Иван, – сказал Конторский. – Время позднее – тебе успеть надо.

– Прощайте – сказал Иван. И вышел.

* * *

И пошёл он куда глаза глядят.

Темно было... Шёл он, шёл – пришёл к лесу. А куда дальше идти, вовсе не знает. Сел на пенёк, закручинился.

– Бедная моя головушка, – сказал, – пропадёшь ты. Где этот Мудрец? Хоть бы помог кто.

Но никто ему не помог.

Посидел-посидел Иван, пошёл дальше.

Шёл, шёл, видит – огонёк светится. Подходит ближе – стоит избушка на курьих ножках, а вокруг кирпич навален, шифер, пиломатериалы всякие.

– Есть тут кто-нибудь? – крикнул Иван.

Вышла на крыльцо Баба-Яга... Посмотрела на Ивана, спрашивает:

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Кто ты такой? И куда идёшь?

– Иван-дурак, иду к Мудрецу за справкой, – ответил Иван. – А где его найти, не знаю.

– Зачем тебе справка-то?

– Тоже не знаю... Послали.

– А-а... – молвила Баба-Яга. – Ну заходи, заходи... Отдохни с дороги. Есть небось хочешь?

– Да не отказался бы...

– Заходи.

Зашёл Иван в избушку.

Избушка как избушка, ничего такого. Большая печка, стол, две кровати...

– Кто с тобой ещё живёт? – спросил Иван.

– Дочь. Иван, – заговорила Яга, – а ты как дурак-то – совсем, что ли, дурак?

– Как это? – не понял Иван.

– Ну, полный дурак или это тебя сгоряча так окрестили? Бывает, досада возьмёт – крикнешь: у, дурак! Я вон на дочь иной раз как заору: у, дура такая! А какая же она дура? Она у меня вон какая умная. Может, и с тобой такая история; привыкли люди: дурак и дурак, а ты вовсе не дурак, а только... бесхитростный. А?

– Не пойму, ты куда клонишь-то?

– Да я же по глазам вижу: никакой ты не дурак, ты просто бесхитростный. Я как только тебя увидела, сразу подумала: «Ох, и талантливый парень!» У тебя же на лбу написано: «талант». Ты хоть сам-то догадываешься про свои таланты? Или ты полностью поверил, что ты – дурак?

– Ничего я не поверил! – сердито сказал Иван – Как это я про себя поверю, что я – дурак?

– А я тебе чего говорю? Вот люди, а!.. Ты строительством когда-нибудь занимался?

– Ну, как?.. С отцом, с братьями теремки рубили... А тебе зачем?

– Понимаешь, хочу коттеджик себе построить... Материалы завезли, а строить некому. Не возьмёшься?

– Мне же справку надо добывать...

– Да зачем она тебе? – воскликнула Баба-Яга. – Построишь коттеджик... его увидят – ко мне гости всякие приезжают – увидят – сразу: кто делал? Кто делал – Иван делал... Чуешь? Слава пойдёт по всему лесу.

– А как же справка? – опять спросил Иван. – Меня же назад без справки-то не пустят.

– Ну и что?

– Как же? Куда же я?

– Истопником будешь при коттеджике... Когда будешь строить, запланируй себе комнатку в подвале... Тепло, тихо, никакой заботушки. Гости наверху заскучали – куда? – пошли к Ивану: истории разные слушать. А ты им ври побольше... Разные случаи рассказывай. Я об тебе заботиться буду. Я буду тебя звать – Иванушка...

– Карга старая, – сказал Иван. – Ишь ты, какой невод завела! Иванушкой она звать будет. А я на тебя буду горб гнуть? А ху-ху не хо-хо, бабуленька?

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А-а, – зловеще протянула Баба-Яга, – теперь я поняла, с кем имею дело: симулянт, проходимец... тип. Мы таких – знаешь, что делаем? – жарим. Ну-ка, кто там?! – И Яга трижды хлопнула в ладоши. – Стража! Взять этого дурака, связать – мы его будем немножко жарить.

Стражники, четыре здоровых лба, схватили Ивана, связали и положили на лавку.

– Последний раз спрашиваю, – ещё попыталась Баба-Яга, – будешь коттеджик строить?

– Будь ты проклята! – сказал гордо связанный Иван. – Чучело огородное... У тебя в носу волосы растут.

– В печь его! – заорала Яга. И затопала ногами. – Мерзавец! Хам!

– От хамки слышу! – тоже заорал Иван. – Ехидна! У тебя не только в носу, у тебя на языке шерсть растёт!.. Дармоедка!

– В огонь! – вовсе зашла Яга. – В ого-онь!..

Ивана сгрести и стали толкать в печь, в огонь.

Ох, брил я тебя на завалинке! –
Запел Иван. –

Подарила ты мне чулки-валенки!..

Оп – тирдарпупия!

– Мне в огне не гореть, карга! Так что я иду смело!

Только Ивана затолкали в печь, на дворе зазвенели бубенцы, заржали кони.

– Дочка едет! – обрадовалась Баба-Яга и выглянула в окно. – У-у, да с женихом вместе! То-то будет им чем поужинать.

Стражники тоже обрадовались, запрыгали, захлопали в ладоши.

– Змей Горыныч едет, Змей Горыныч едет! – закричали они. – Эх, погуляем-то! Эх, и попьём же!

Вошла в избушку дочка Бабы-Яги, тоже сильно страшная, с усами.

– Фу-фу-фу, – сказала она. – Русским духом пахнет. Кто тут?

– Ужин, – сказала Баба-Яга. И засмеялась хрипло: – Ха-ха-ха!..

– Чего ты? – рассердилась дочка. – Ржёт, как эта... Я спрашиваю: кто тут?

– Ивана жарим.

– Да ну? – приятно изумилась дочка. – Ах, какой сюрприз!

– Представляешь, не хочет, чтобы в лесу было красиво – не хочет строить коттеджик, паразит.

Дочка заглянула в печку... А оттуда вдруг – не то плач, не то хохот.

– Ой, не могу-у!.. – стонал Иван – Не от огня помру – от смеха!..

– Чего это? – зло спросила дочка Бабы-Яги.

И Яга тоже подошла к печке.

– Чего он?

– Хохочет?..

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Чего ты, эй?

– Ой, помру от смеха! – орал Иван. – Ой, не выживу я!..

– Вот идиот-то – сказала дочка. – Чего ты?

– Да усы-то!.. Усы-то... Ой, господи, ну бывает же такое в природе! Да как же ты с мужем-то будешь спать? Ты же замуж выходишь...

– Как все... А чего? – не поняла дочка. Не поняла, но встревожилась.

– Да усы-то!

– Ну и что? Они мне не мешают, наоборот, я лучше чую.

– Да тебе-то не мешают... А мужу-то? Когда замуж-то выйдешь...

– А чего мужу? Куда ты гнёшь, дурак? Чего тебе мой будущий муж? – вовсе встревожилась дочка.

– Да как же? Он тебя поцелует в темноте-то, а сам подумает: «Чёрт те что: солдат не солдат и баба не баба». И разлюбит. Да нешто можно бабе с усами! Ну, эти ведьмы!.. Ни хрена не понимают. Ведь не будет он с тобой жить, с усатой. А то ещё возьмёт да голову откусит со зла, знаю я этих Горынычей.

Баба-Яга и дочка призадумались.

– Ну-ка, вылазь, – велела дочь.

Иван-дурак скоро вылез, отряхнулся.

– Хорошо погрелся...

– А чего ты нам советуешь? – спросила Баба-Яга. – С усами-то.

– Чего, чего... Свести надо усы, если хотите семейную жизнь наладить.

– Да как свести-то, как?

– Я скажу как, а вы меня опять в печь кинете.

– Не кинем, Ванюшка, – заговорила ласково дочь Бабы-Яги. – Отпустим тебя на все четыре стороны, скажи только, как от усов избавиться.

Тут наш Иван пошёл тянуть резину и торговаться, как делают нынешние слесари-сантехники.

– Это не просто – заговорил он – это надо состав делать...

– Ну и делай!

– Делай, делай... А когда же я к Мудрецу-то попаду? Мне же к третьим петухам надо назад вернуться...

– Давай так, – заволновалась Баба-Яга, – слушай сюда! Давай так: ты сводишь усы, я даю тебе свою метлу, и ты в один миг будешь у Мудреца.

Иван призадумался.

– Быстрей! – заторопилась усатая дочь. – А то Горыныч войдёт.

Тут и Иван заволновался:

– Слушайте, он же войдёт и...

– Ну?

– Войдёт и с ходу сожрёт меня.

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Он может, – сказала дочь. – Чего бы такое придумать?
- Я скажу, что ты мой племянник, – нашлась Баба-Яга. – Понял?
- Давайте, – понял Иван. – Теперь так: мой состав-то не сразу действует...
- Как это? – насторожилась дочь.
- Мы его сейчас наведём и наложим на лицо маску... Так? Я лечу на метле к Мудрецу, ты пока лежишь с маской...
- А обманет? – заподозрила дочь. – Мама?
- Пусть только попробует – сказала Баба-Яга, – пусть только надует: навернётся с поднебесья – мокрое место останется.
- Ну, ёлки зелёные-то?.. – опять заволновался Иван: похоже, он и хотел надуть. – Ну что за народ! В чём дело? Хочешь с усами ходить? Ходи с усами, мне-то что! Им дело говорят, понимаешь, – нет, они начинают тут... Вы меня уважаете, нет?
- При чём тут «уважаете»? Ты говори толком...
- Нет, не могу, – продолжал Иван тараторить. – Не могу, честное слово! Сердце лопнет. Ну что за народ? Да живи ты с усами, живи! Сколько влезет, столько и живи. Не женщина, а генерал-майор какой-то. Тьфу! А детишки народятся? Потянутся сынок или дочка ручонкой: «Мама, а что это у тебя?» А подрастут? Подрастут, их на улице начнут дразнить: «Твоя мамка с усами, твоя мамка с усами!» Легко будет ребёнку? Легко будет слушать такие слова? Ни у кого нету мамки с усами, а у него – с усами. Как он должен отвечать? Да никак он не сможет ответить, он зальётся слезами и пойдёт домой... к усатой мамке...
- Хватит! – закричала дочь Бабы-Яги. – Наводи свой состав. Что тебе надо?
- Пригоршню куриного помёта, пригоршню тёплого навоза и пригоршню мягкой глины – мы накладываем на лицо такую маску...
- На всё лицо? Как же я дышать-то буду?
- Ну что за народ! – опять горько затараторил Иван. – Ну ничего невозможно...
- Ладно! – рявкнула дочь. – Спросить ничего нельзя.
- Нельзя! – тоже рявкнул Иван. – Когда мастер соображает, нельзя ничего спрашивать! Повторяю: навоз, глина, помёт. Маска будет с дыркой – будешь дышать. Всё.
- Слышали? – сказала Яга стражникам. – Одна нога здесь, другая в сарае! Арш!
- Стражники побежали за навозом, глиной и помётом.

А в это самое время в окно просунулись три головы Змея Горыныча... Уставились на Ивана. Все в избушке замерли. Горыныч долго-долго смотрел на Ивана. Потом спросил:

- Кто это?
- Это, Горыныч, племянник мой, Иванушка, – сказала Яга. – Иванушка, поздоровайся с дядей Горынычем.
- Здравствуй, дядя Горыныч! – поздоровался Иван. – Ну, как дела?

Горыныч внимательно смотрел на Ивана. Так долго и внимательно, что Иван занервничал.

- Да ну что, ёлки зелёные? Что? Ну – племянник, ты же слышал! Пришёл к тётке Ёжке. В гости. Что, гостей будем жрать? Давай, будем гостей жрать! А семью собираемся заводить – всех детишек пожрём, да? Папа называется!

Головы Горыныча посоветовались между собой.

– По-моему, он хамит, – сказала одна.

Вторая подумала и сказала:

– Дурак, а нервный.

А третья выразилась и вовсе кратко:

– Лангет, – сказала она.

– Я сейчас такой лангет покажу!.. – взорвался от страха Иван. – Такой лангет устрою, что кое-кому тут не поздоровится. Тётя, где моя волшебная сабля? – Иван вскочил с лавки и забегал по избешке – изображал, что ищет волшебную саблю. – Я сейчас такое устрою! Головы надоело носить?! – Иван кричал на Горыныча, но не смотрел на него – жутко было смотреть на эти три спокойные головы. – Такое сейчас устрою!..

– Он просто расхамился, – опять сказала первая голова.

– Нервничает, – заметила вторая. – Бойтся.

А третья не успела ничего сказать: Иван остановился перед Горынычем и сам тоже долго и внимательно смотрел на него.

– Шпана, – сказал Иван. – Я тебя сам съем.

Тут первый раз прозвучал голос Ильи Муромца.

– Ванька, смотри! – сказал Илья.

– Да что «Ванька», что «Ванька»! – воскликнул Иван. – Чего ванькать-то? Вечно кого-то боимся, кого-то опасаемся. Каждая гнида будет из себя... великую тварь строить, а тут обмирай от страха. Не хочу! Хватит! Надоело! – Иван и в самом деле спокойно уселся на лавку, достал дудочку и посвистел маленько. – Жри – сказал он, отвлекаясь от дудочки. – Жрать будешь? Жри. Гад. Потом поцелуй свою усатую невесту. Потом рожайте усатых детей и маршируйте с имя. Он меня, видите ли, пугать будет!.. Хрен тебе! – И Ванька опять засвистел в свою дудочку.

– Горыныч, – сказала дочь, – плюнь, не обращай внимания. Не обижайся.

– Но он же хамит, – возразила первая голова. – Как он разговаривает?!

– Он с отчаяния. Он не ведаёт, что творит.

– Я всё ведаю – встрял Иван, перестав дудеть. – Всё я ведаю. Я вот сейчас подберу вам марш... для будущего батальона...

– Ванюшка, – заговорила Баба-Яга кротко, – не хами, племян. Зачем ты так?

– Затем, что нечего меня на арапа брать. Он, видите ли, будет тут глазами вращать! Вращай, когда у тебя батальон усатых будет – тогда вращай. А сейчас нечего.

– Нет, ну он же всю хамит! – чуть не плача сказала первая голова. – Ну как же?

– Заплачь, заплачь, – жёстко сказал Иван. – А мы посмеёмся. В усы.

– Хватит тянуть, – сказала вторая голова.

– Да, хватит тянуть, – поддакнул Иван. – Чего тянуть-то? Хватит тянуть.

– О-о! – изумилась третья голова. – Ничего себе!

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ага! – опять дурашливо поддакнул Иван. – Во, даёт Ванька! Споем? – И Ванька запел:

Эх, брил я тебя
На завалинке,
Подарила ты мене
Чулки-валенки...
– Горыныч, хором:

Оп – тирдарпупия! –
Допел Ванька. И стало тихо. И долго было тихо.

– А романсы умеешь? – спросил Горыныч.

– Какие романсы?

– Старинные.

– Сколько угодно... Ты что, романсы любишь? Изволь, батюшка, я тебе их нанизаю сколько хошь. Завалю романсами. Например:

Хаз-булат удало-ой,
Бедна сакля твоя-а,
Золотою казной
Я осыплю тебя-а!..

– А? Романс!.. – Ванька почуял некую перемену в Горыныче, подошёл к нему и похлопал одну голову по щеке. – Мх, ты... свирепый. Свирепунчик ты мой.

– Не ёрничай, – сказал Горыныч. – А то откушу руку.

Ванька отдёрнул руку.

– Ну, ну, ну, – молвил он мирно, – кто же так с мастером разговаривает? Возьму вот и не буду петь.

– Будешь, – сказала голова Горыныча, которую Иван приголубил. – Я тебе возьму и голову откушу.

Две другие головы громко засмеялись.

И Иван тоже мелко и невесело посмеялся.

– Тогда-то уж я и вовсе не спою – нечем. Чем же я петь-то буду?

– Филе, – сказала голова, которая давеча говорила «лангет». Это была самая глупая голова.

– А тебе бы всё жрать! – обозлился на неё Иван. – Все бы ей жрать!.. Живоглотка какая-то.

– Ванюшка, не фордыбачь, – сказала Баба-Яга. – Пой.

– Пой, – сказала и дочь. – Разговорился. Есть слух – пой.

– Пой, – велела первая голова. – И вы тоже пойте.

– Кто? – не поняла Баба-Яга. – Мы?

– Вы. Пойте.

– Может быть, я лучше одна? – вякнула дочь; её не устраивало, что она будет подпевать Ивану. – С мужиком петь... ты меня извини, но...

– Три, четыре, – спокойно сказал Горыныч. – Начали.

Дам коня, дам седло, –
Запел Иван, Баба-Яга с дочкой подхватили:

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Дам винтовку свою-у,
А за это за всё
Ты отдай мне жену-у.
Ты уж стар, ты уж се-ед,
Ей с тобой не житьё,
С молодых юных ле-ет
Ты погубишь её-о-о.
Невыразительные круглые глазки Горыныча увлажнились: как всякий деспот, он был слезлив.

– Дальше, – тихо сказал он.

Под чинарой густой, –
Пел дальше Иван, –

Мы сидели вдвоём,
Месяц плыл золотой,
Всё молчало круго-ом.
И Иван с чувством повторил ещё раз, один:

Эх, месяц плыл золотой,
Всё молчало круго-ом..
– Как ты живёшь, Иван? – спросил растроганный Горыныч.

– В каком смысле? – не понял тот.

– Изба хорошая?

– А-а. Я счас в библиотеке живу, вместе со всеми.

– Хочешь отдельную избу?

– Нет. Зачем она мне?

– Дальше.

Она мне отдала-ась... –
Повёл дальше Иван, –

До последнего дня..
– Это не надо, – сказал Горыныч. – Пропусти.

– Как же? – не понял Иван.

– Пропусти.

– Горыныч, так нельзя, – заулыбался Иван, – из песни слова не выкинешь.

Горыныч молча смотрел на Ивана; опять воцарилась эта нехорошая тишина.

– Но ведь без этого же нет песни! – занервничал Иван. – Ну? Песни-то нету!

– Есть песня, – сказал Горыныч.

– Да как же есть? Как же есть-то?!

– Есть песня. Даже лучше – лаконичнее.

– Ну ты смотри, что они делают! – Иван даже хлопнул в изумлении себя по ляжкам.

– Что хотят, то и делают! Нет песни без этого, нет песни без этого, нет песни!..
Не буду петь лаконично. Всё.

– Ванюшка, – сказала Баба-Яга, – не супротивничай.

– Пошла ты!.. – вконец обозлился Иван. – Сами пойте. А я не буду. В гробу я вас всех видел! Я вас сам всех сожру! С усами вместе. А эти три тыквы... я их тоже буду немножко жарить...

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Господи, сколько надо терпения, – вздохнула первая голова Горыныча. – Сколько надо сил потратить, нервов... пока их научишь. Ни воспитания, ни образования...

– Насчёт «немножко жарить» – это он хорошо сказал, – молвила вторая голова. – А?

– На какие усы ты всё время намекаешь? – спросила Ивана третья голова. – Весь вечер сегодня слышу: усы, усы... У кого усы?

– А па-арень улыбается в пшеничные усы, – шутливо спела первая голова. – Как там дальше про Хаз-булата?

– Она мне отдалась, – отчётливо сказал Иван.

Опять сделалось тихо.

– Это грубо, Иван, – сказала первая голова. – Это дурная эстетика. Ты же в библиотеке живёшь... как ты можешь? У вас же там славные ребята. Где ты набрался этой сексуальности? У вас там, я знаю, Бедная Лиза... прекрасная девушка, я отца её знал... Она невеста твоя?

– Кто? Лизка? Ещё чего!

– Как же? Она тебя ждёт.

– Пусть ждёт – не дождётся.

– Мда-а... фрукт, – сказала третья голова.

А голова, которая всё время к жратве клонила, возразила:

– Нет, не фрукт, – сказала она серьёзно. – Какой же фрукт? Уж во всяком случае – лангет. Возможно даже – шашлык.

– Как там дальше-то? – вспомнила первая голова. – С Хаз-булатом-то.

– Он его убил, – покорно сказал Иван.

– Кого?

– Хаз-булата.

– Кто убил?

– М-м... – Иван мучительно сморщился. – Молодой любовник убил Хаз-булата. Заканчивается песня так: «Голова старика покати́лась на луг».

– Это тоже не надо. Это жестокость, – сказала голова.

– А как надо?

Голова подумала.

– Они помирились. Он ему отдал коня, седло – и они пошли домой. На какой полке ты там сидишь, в библиотеке-то?

– На самой верхней... Рядом с Ильёй и донским Атаманом.

– О-о! – удивились все в один голос.

– Понятно, – сказала самая умная голова Горыныча, первая. – От этих дураков только и наберёшься... А зачем ты к Мудрецу идёшь?

– За справкой.

– За какой справкой?

– Что я умный.

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Три головы Горыныча дружно громко засмеялись. Баба-Яга и дочь тоже подхихикнули.

– А плясать умеешь? – спросила умная голова.

– Умею, – ответил Иван – Но не буду.

– Он, по-моему, и коттеджики умеет рубить, – встряла Баба-Яга. – Я подняла эту тему...

– Ти-хо! – рявкнули все три головы Горыныча. – Мы никому больше слова не давали!

– Батюшки мои – шёпотом сказала Баба-Яга. – Сказать ничего нельзя!

– Нельзя! – тоже рявкнула дочь. И тоже на Бабу-Ягу – Базар какой-то!

– Спляши, Ваня, – тихо и ласково сказала самая умная голова.

– Не буду плясать, – упёрся Иван.

Голова подумала:

– Ты идёшь за справкой... – сказала она. – Так?

– Ну? За справкой.

– В справке будет написано: «Дана Ивану... в том, что он – умный». Верно? И печать.

– Ну?

– А ты не дойдёшь. – Умная голова спокойно смотрела на Ивана. – Справки не будет.

– Как это не дойду? Если я пошёл, я дойду.

– Не. – Голова всё смотрела на Ивана. – Не дойдёшь. Ты даже отсюда не выйдешь.

Иван постоял в тягостном раздумье... Поднял руку и печально возгласил:

– «Сени»!

– Три, четыре, – сказала голова. – Пошли.

Баба-Яга и дочь запели:

Ох, вы сени, мои сени,
Сени новые мои...
Они пели и прихлопывали в ладоши.

Сени новые-преновые
Решётчатые...

Иван двинулся по кругу, пристукивая лапоточками... а руки его висели вдоль тела: он не подбоченился, не вскинул голову, не смотрел соколом.

– А почему соколом не смотришь? – спросила голова.

– Я смотрю, – ответил Иван.

– Ты в пол смотришь.

– Сокол же может задуматься?

– О чём?

– Как дальше жить... Как соколят вырастить. Пожалей ты меня, Горыныч, – взмолился Иван. – Ну сколько уж? Хватит...

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– А-а, – сказала умная голова. – Вот теперь ты поумнел. Теперь иди за справкой. А то начал тут... строить из себя. «Шмакодявки». «Свистуны». Чего ты начал строить из себя?

Иван молчал.

– Становись лицом к двери, – велел Горыныч. Иван стал лицом к двери. – По моей команде вылетишь отсюда со скоростью звука.

– Со звуком – это ты лишка хватил, Горыныч, – возразил Иван. – Я не сумею так.

– Как сумеешь. Приготовились... Три, четыре!

Иван вылетел из избышки.

Три головы Горыныча, дочь и Баба-Яга засмеялись.

– Иди сюда, – позвал Горыныч невесту, – я тебя ласкать буду.

* * *

А Иван шёл опять тёмным лесом... И дороги опять – никакой не было, а была малая звериная тропка. Шёл, шёл Иван, сел на поваленную лесину и закручинился.

– В душу как вроде удобрения свалили, – грустно сказал он. – Вот же как тяжело! Достанется мне эта справка...

Сзади подошёл Медведь и тоже присел на лесину.

– Чего такой печальный, мужичок? – спросил Медведь.

– Да как же!.. – сказал Иван. – И страху натерпелся, и напелся, и наплясался... И уж так-то теперь на душе тяжело, так нехорошо – ложись и помирай.

– Где это ты так?

– А в гостях... Чёрт занёс. У Бабы-Яги.

– Нашёл к кому в гости ходить. Чего ты к ней попёрся?

– Да зашёл по пути...

– А куда идёшь-то?

– К Мудрецу.

– Во-он куда! – удивился Медведь. – Далёко.

– Не знаешь ли, как к нему идти?

– Нет. Слышать слышал про такого, а как идти, не знаю. Я сам, брат, с насиженного места поднялся... Иду вот тоже, а куда иду – не знаю.

– Прогнали, что ль?

– Да и прогнать не прогнали, и... Сам уйдёшь. Эт-то вот – недалеко – монастырь; ну, жили себе... И я возле питался – там пасек много. И облюбовали же этот монастырь черти. Откуда только их нашугало! Обложили весь монастырь – их внутрь-то не пускают – с утра до ночи музыку заводят, пьют, безобразничают...

– А чего хотят-то?

– Хотят внутрь пройти, а там стража. Вот они и оглушают их, стражника-то, бабёнок всяких ряженных подпускают, вино навяливают – сбивают с толку. Такой тарарам навели на округу – завязывай глаза и беги. Страсть что творится, пропадает живая душа. Я вот курить возле их научился... – Медведь достал пачку сигарет и закурил. – Нет житья никакого... Подумал-подумал – нет, думаю, надо уходить, а то вино научусь пить. Или в цирк пойду. Раза два напивался уж...

– Это скверно.

– Уж куда как скверно! Медведицу избил... Льва по лесу искал... Стыд головушке! Нет, думаю, надо уходить. Вот – иду.

– Не знают ли они про Мудреца? – спросил Иван.

– Кто? Черти? Чего они не знают-то? Они всё знают. Только не связывайся ты с имя, пропадёшь. Пропадёшь, парень.

– Да ну... чего, поди?

– Пропадёшь. Попытай, конечно, но... Гляди. Злые они.

– Я сам злой сейчас... Хуже чёрта. Вот же как он меня исковеркал! Всего изломал.

– Кто?

– Змей Горыныч.

– Бил, что ли?

– Да и не бил, а... хуже битья. И пел перед ним, и плясал... Тьфу! Лучше бы уж избил.

– Унизил?

– Унизил. Да как унизил! Не переживу я, однако, эти дела. Вернусь и подожгу их. А?

– Брось, – сказал Медведь. – не связывайся. Он такой, этот Горыныч... Гад, одно слово. Брось. Уйди лучше. Живой ушёл, и то слава богу. Эту шайку не одолеешь: везде достанут.

Они посидели молча, Медведь затянулся последний раз сигаретой, бросил, затоптал окурок лапой и встал.

– Прощай.

– Прощай, – откликнулся Иван. И тоже поднялся.

– Аккуратней с чертями-то, – ещё раз посоветовал Медведь. – Эти похуже Горыныча будут... Забудешь, куда идёшь. Всё на свете забудешь. Ну и охальное же племя! На ходу подмётки рвут. Оглянуться не успеешь, а уж ты на поводке у них – захомутали.

– Ничего, – сказал Иван. – Бог не выдаст, свинья не съест. Как-нибудь вывернусь. Надо же где-то Мудреца искать... Леший-то навязался на мою голову! А время – до третьих петухов только.

– Ну, поспешай, коли так. Прощай.

– Прощай.

И они разошлись.

Из темноты ещё Медведь крикнул:

– Вон, слышь, музыка?

– Где?

– Да послушай!.. «Очи чёрные» играют...

– Слышу!

– Вот иди на музыку – они. Вишь, наяривают! О, господи! – вздохнул Медведь – Вот

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
чесотка-то мировая! Ну чесотка... Не хотят жить на болоте, никак не хотят, хотят в
кельях.

* * *

А были – ворота и высокий забор. На воротах написано:

«Чертям вход воспрещён».

В воротах стоял большой стражник с пикой и зорко поглядывал кругом. Кругом же
творился некий вялый бедлам – пауза такая после бурного шаша. Кто из чертей,
засунув руки в карманы узеньких брюк, легонько бил копытцами ленивую чечётку,
кто листал журналы с картинками, кто тасовал карты... Один жонглировал черепами.
Двое в углу учились стоять на голове. Группа чертей, расстелив на земле газеты,
сидела вокруг коньяка и закуски – выпивали. А четверо – три музыканта с гитарами
и девица – стояли прямо перед стражником; девица красиво пела «Очи чёрные».
Гитаристы не менее красиво аккомпанировали ей. И сама-то девица очень даже
красивая, на красивых копытцах, в красивых штанах... Однако стражник спокойно
смотрел на неё – почему-то не волновался. Он даже снисходительно улыбался в усы.

– Хлеб да соль! – сказал Иван, подходя к тем, которые выпивали.

Его оглядели с ног до головы... И отвернулись.

– Что же с собой не приглашаете? – жёстко спросил Иван.

Его опять оглядели.

– А что ты за князь такой? – спросил один, тучный, с большими рогами.

– Я князь такой, что если сейчас понесу вас по кочкам, то от вас клочья полетят.
Стать!

Черти изумились... Смотрели на Ивана.

– Я кому сказал?! – Иван дал ногой по бутылкам. – Стать!!

Тучный вскочил и полез было на Ивана, но его подхватили свои и оттащили в
сторону.

Перед Иваном появился некто изящный, среднего возраста, в очках.

– В чём дело, дружок? – заговорил он, беря Ивана под руку. – Чего мы шумим? Мм?
У нас где-нибудь бо-бо? Или что? Или настроение испорчено? Что надо?

– Надо справку, – зло сказал Иван.

К ним ещё подошли черти... Образовался такой кружок, в центре которого стоял злой
Иван.

– Продолжайте, – крикнул Изящный музыкантам и девице. – Ваня, какую справку
надо? О чём?

– Что я – умный.

Черти переглянулись... Быстро и непонятно переговорили между собой.

– Шизо, – сказал один. – Или авантюрист.

– Не похоже – возразил другой. – Куда-нибудь оформляется. Всего одну справку
надо?

– Одну.

– А какую справку, Ваня? Они разные бывают... Бывает – характеристика, аттестат...
Есть о наличии, есть об отсутствии, есть «в том, что», есть «так как», есть
«ввиду того, что», а есть «вместе с тем, что» – разные, понимаешь? Какую именно

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru тебе сказали принести?

– Что я умный.

– Не понимаю... Диплом, что ли?

– Справку.

– Но их сотни, справок! Есть «в связи с тем, что», есть «несмотря на то, что», есть...

– Понесу ведь по кочкам, – сказал Иван с угрозой. – Тошно будет. Или спою «Отче наш».

– Спокойно, Ваня, спокойно, – занервничал Изящный чёрт. – Зачем подымать волну? Мы можем сделать любую справку, надо только понять – какую? Мы тебе сделаем...

– Мне липовая справка не нужна, – твёрдо сказал Иван. – мне нужна такая, какие выдаёт Мудрец.

Тут черти загалдели все разом.

– Ему нужна только такая, какие выдаёт Мудрец.

– О-о!..

– Липовая его не устраивает... Ах, какая неподкупная душа! Какой Анжелико!

– Какой митрополит! Он нам споёт «Отче наш». А «Сухой бы я корочкой питалась» ты нам споёшь?

– Ша, черти! Ша... Я хочу знать: как это он понесёт нас по кочкам? Он же берёт нас на арапа! То ж элементарный арапинизм! Что значит, что этот пошехонец понесёт нас?

Подошли ещё черти. Ивана окружили со всех сторон. И все глядели и размахивали руками.

– Он опрокинул коньяк!

– Это хамство! Что значит, что он понесёт нас по кочкам? Что это значит? Это шантаж?

– Кубок «Большого орла» ему!

– Тумаков ему! Тумаков!

Дело могло обернуться плохо: Ивана теснили.

– Ша, черти! Ша! – крикнул Иван. И поднял руку. – Ша, черти! Есть предложение!..

– Ша, братцы, – сказал Изящный чёрт. – Есть предложение. Выслушаем предложение.

Иван, Изящный чёрт и ещё несколько чертей отошли в сторонку и стали совещаться. Иван что-то вполголоса говорил им, поглядывая в сторону стражника. И другие тоже посматривали туда же.

Перед стражником по-прежнему «несли вахту» певица и музыканты; девица пела теперь ироническую песенку «Разве ты мужчина!». Она пела и пританцовывала.

– Я не очень уверен, – сказал Изящный чёрт. – Но... А?

– Это надо проверить, – заговорили и другие. – Это не лишено смысла.

– Да, это надо проверить. Это не лишено смысла.

– Мы это проверим, – сказал Изящный чёрт своему помощнику. – Это не лишено смысла. Если этот номер у нас проходит, мы посылаем с Иваном нашего чёрта, и он

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru делает так, что Мудрец принимает Ивана. К нему очень трудно попасть.

– Но без обмана! – сказал Иван. – Если Мудрец меня не принимает, я вот этими вот руками... беру вашего чёрта...

– Ша, Иван, – сказал Изящный чёрт. – Не надо лишних слов. Всё будет о'кей. Маэстро, что нужно? – спросил он своего помощника.

– Анкетные данные стражника, – сказал тот. – Где родился, кто родители... И ещё одна консультация Ивана.

– Картотека, – кратко сказал Изящный.

Два чёрта побежали куда-то, а Изящный обнял Ивана и стал ходить с ним туда-сюда, что-то негромко рассказывал.

Прибежали с данными. Один доложил:

– Из Сибири. Родители – крестьяне.

Изящный чёрт, Иван и маэстро посоветовались накоротке.

– Да? – спросил Изящный.

– Как штык, – ответил Иван. – Чтоб мне сдохнуть!

– Маэстро?

– Через... две с половиной минуты – ответил маэстро, поглядев на часы.

– Приступайте – сказал Изящный.

Маэстро и с ним шестеро чертей – три мужского пола и три женского – сели неподалёку с инструментами и стали сыгроваться. Вот они сыгрались... Маэстро кивнул головой, и шестеро грянули:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роят в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Здесь надо остановить повествование и, сколь возможно, погрузиться в мир песни. Это был прекрасный мир, сердечный и грустный. Звуки песни, негромкие, но сразу какие-то мощные, чистые, ударили в самую душу. Весь шабаш отодвинулся далеко-далеко; черти, особенно те, которые пели, сделались вдруг прекрасными существами, умными, добрыми, показалось вдруг, что смысл истинного их существования не в шабаше и безобразиях, а в ином – в любви, в сострадании.

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбачью он лодку берёт,
Унылую песню заводит,
О родине что-то поёт.

Ах, как они пели! Как они, собаки, пели! Стражник прислонил копьё к воротам и, замерев, слушал песню. Глаза его наполнились слезами, он как-то даже ошалел. Может быть, даже перестал понимать, где он и зачем.

Бродяга Байкал переехал, –
Навстречу родимая мать.

Ой, здравствуй, ой, здравствуй, родная,
Здоров ли отец мой и брат?

Стражник подошёл к поющим, сел, склонил голову на руки и стал покачиваться взад-вперёд.

– М-мх... – сказал он.

* * *

А в пустые ворота пошли черти.

А песня лилась, рвала душу, губила суету и мелочь жизни – звала на простор, на

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
вольную волю.

А черти шли и шли в пустые ворота.

Стражнику поднесли огромную чару... Он, не раздумывая, выпил, трахнул чару о землю, уронил голову на руки и опять сказал:

– М-мх...

Отец твой давно уж в могиле,
Сырою землёю зарыт.
А брат твой давно уж в Сибири –
Давно кандалами гремит.
Стражник дал кулаком по колену, поднял голову – лицо в слезах.

А брат твой давно уж в Сибири –
Давно кандалами гремит, –
Пропел он страдальческим голосом.

– Жизнь моя, иль ты приснилась мне? Дай «Камаринскую»! Пропади всё пропадом,
гори всё синим огнём! Дай вина!

– Нельзя, мужичок, нельзя, – сказал лукавый маэстро. – Ты напьёшься и всё забудешь.

– Кто?! – заорал стражник. И лапнул маэстро за грудки. – Кто тут меня учить будет?! Ты, козёл? Да я тебя... в три узла завяжу, вонючка! Я вас всех понесу по кочкам!..

– Что они так обожают кочки? – удивился Изящный чёрт. – Один собирался нести по кочкам, другой... Какие кочки вы имеете в виду, уважаемый? – спросил он стражника.

– Цыть! – сказал стражник. – «Камаринскую»!

– «Камаринскую», – велел Изящный музыкантам.

– Вина! – рявкнул стражник.

– Вина – покорно вторил Изящный.

– Может, не надо? – заспорил притворяшка маэстро. – Ему же плохо будет.

– Нет, надо! – повысил голос Изящный чёрт. – Ему будет хорошо!

– Друг! – заревел стражник. – Дай я тебя поцелую!

– Иду! – откликнулся Изящный чёрт. – Счас мы с тобой нарежемся! Мы их всех понесём по кочкам! Мы их всех тут!..

Иван удивлённо смотрел на чертей, что крутились вокруг стражника, особенно изумил его Изящный чёрт.

– Ты-то чего раздухарился, эй? – спросил он его.

– Цыть! – рявкнул Изящный чёрт. – А то я тебя так понесу по кочкам, что ты...

– Что, что? – угрожающе переспросил Иван. И поднялся. – Кого ты понесёшь по кочкам? Ну-ка, повтори.

– Ты на кого это тут хвост поднимаешь? – тоже угрожающе спросил верзила-стражник Ивана. – На моего друга?! Я из тебя лангет сделаю!

– Опять лангет, – сказал Иван, останавливаясь. – Вот дела-то!

– «Камаринскую»! – раскапризничался Изящный чёрт. – Иван нам спляшет.
«Камаринскую»! Ваня, давай!

– Пошёл к дьяволу! – обозлился Иван. – Сам давай... с другом вон.

– Тогда я не посылаю с тобой чёрта, – сказал Изящный чёрт. И внимательно, злобно посмотрел на Ивана. – Понял? Попадёшь ты к Мудрецу!.. Ты к нему ни-ког-да не попадёшь.

– Ах ты, харя ты некрещёная! – задохнулся от возмущения Иван. – Да как же это? Да нечто так можно? Где же стыд-то у тебя? Мы же договорились. Я же такой грех на душу взял – научил вас, как за ворота пройти.

– Последний раз спрашиваю: будешь плясать?

– О, проклятие!.. – застонал Иван. – Да что же это такое-то? Да за что же мне муки такие?

– «Камаринскую»! – велел Изящный чёрт. – «Пошехонские страдания».

Черти-музыканты заиграли «Камаринскую». И Иван пошёл, опустив руки, пошёл себе кругом, пошёл пристукивать лапоточками. Он плясал и плакал. Плакал и плясал.

– Эх, справочка!.. – воскликнул он зло и горько. – Дорого же ты мне достаёшься! Уж так дорого, что и не скажешь, как дорого!..

* * *

И вот – канцелярия. О, канцелярия! Вот уж канцелярия так канцелярия. Иван бы тут вконец заблудился, если бы не чёрт. Чёрт пригодился как нельзя кстати. Долго ходили они по лестницам и коридорам, пока нашли приёмную Мудреца.

– Минуточку, – сказал чёрт, когда вошли в приёмную. – Посиди тут... Я скоро – и куда-то убежал. Иван огляделся.

В приёмной сидела молоденькая секретарша, похожая на библиотекаршу, только эта другого цвета, и зовут Милка. А ту – Галка. Секретарша Милка печатала на машинке и говорила сразу по двум телефонам.

– Ой, ну это же пшено! – говорила она в одну трубку и улыбалась. – Помнишь, у Моргуновых: она напялила на себя жёлтое блестящее платье, копну сена, что ли, символизировала? Да о чём тут ломать голову? О чём?

И тут же – в другую, строго:

– Его нету. Не зна... А вы не интонируйте, не интонируйте, я вам пятый раз говорю: его нету. Не знаю.

– Во сколько ты там был? В одиннадцать? Один к одному? Интересно... Она одна была? Она кадрилась к тебе?

– Слушайте, я же ска... А вы не интонируйте, не интонируйте. Не знаю.

Иван вспомнил: их библиотекарша, когда хочет спросить по телефону у своей подруги, у себя ли её начальник, спрашивает: «Твой бугор в яме?» И он тоже спросил Милку:

– А бугор когда будет в яме? – Он вдруг что-то разозлился на эту Милку.

Милка мельком глянула на него.

– Что вы хотите? – спросила она.

– Я спрашиваю: когда бу...

– По какому вопросу?

– Нужна справка, что...

– Понедельник, среда, девять тире одиннадцать.

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Мне... – Иван хотел сказать, что ему нужна справка до третьих петухов.

Милка опять отстучала:

– Понедельник, среда, с девяти до одиннадцати. Тупой?

– Это пшено, – сказал Иван. И встал и вольно прошёлся по приёмной. – Я бы даже сказал, компот. Как говорит наша Галка: «собачья радость на двух», «смесь козла с „Грюндиком“». Я спрашиваю глобально: ты невеста? И сам отвечаю: невеста. Один к одному, – Иван всё больше накалялся. – Но у тебя же – посмотри на себя – у тебя же нет румянца во всю щёку. Какая же ты невеста? Ты вот спроси меня – я вечный жених – спроси: появилась у меня охота жениться на тебе? Ну-ка, спроси.

– Появилась охота?

– Нет, – твёрдо сказал Иван.

Милка засмеялась и захлопала в ладоши.

– Ой, а ещё? – попросила она. – Ещё что-нибудь. Ну, пожалуйста.

Иван не понял, что «ещё»?

– Ещё покажите что-нибудь.

– А-а, – догадался Иван, – ты решила, что я шут гороховый. Что я – так себе, Ванёк в лапоточках... Тупой, как ты говоришь. Так вот знай: я мудрее всех вас... глубже, народнее. Я выражаю чаяния, а вы что выражаете? Ни хрена не выражаете! Сороки. Вы пустые, как... Во мне суть есть, а в вас и этого нету. Одни танцы-шманцы на уме. А ты даже говорить толком со мной не желаешь. Я вот как осержусь, как возьму дубину!..

Милка опять громко засмеялась.

– Ой, как интересно! А ещё, а?

– Худо будет! – закричал Иван. – Ой, худо будет!.. Лучше вы меня не гневите, не гневите лучше!..

Тут в приёмную влетел чёрт и увидел, что Иван орёт на девушку.

– Тю, тю, тю, – испуганно затараторил чёрт и стал теснить Ивана в угол. – Чего это тут такое? Кто это нам разрешил выступать?.. А-я-я-я-яй! Отойти куда нельзя. Предисловий начитался – пояснил он девице «выступление» Ивана. – Сиди тихо, сейчас нас примут. Сейчас он придёт... Я там договорился: нас примут в первую очередь.

Только чёрт сказал так, в приёмную вихрем ворвался некто маленький, беленький – сам Мудрец, как понял Иван.

– Чушь, чушь, чушь, – быстро сказал он на ходу. – Василиса никогда на Дону не была.

Чёрт почтительно склонил голову.

– Проходите, – сказал Мудрец, ни к кому отдельно не обращаясь. И исчез в кабинете.

– Пошли, – подтолкнул чёрт Ивана. – Не вздумай только вылететь со своими предисловиями... Поддакивай, и всё.

* * *

Мудрец бегал по кабинету. Он, что называется, рвал и метал.

– Откуда?! Откуда они это взяли?! – вопрошал он кого-то и поднимал руки кверху. – Откуда?!

– Чего ты расстроился, батя? – спросил Иван участливо.

Мудрец остановился перед посетителями, Иваном и чёртом.

– Ну? – спросил он сурово и непонятно. – Облапошили Ивана?

– Почему вы так сразу ставите вопрос? – увёртливо заговорил чёрт. – Мы, собственно, давно хотели...

– Что вы? Что вам надо в монастыре? Ваша цель?

– Разрушение примитива, – твёрдо сказал чёрт.

Мудрец погрозил ему пальцем.

– Озоруете! А теоретически не готовы.

– Нет, ну серьёзно... – заулыбался чёрт на стариковскую нестрашную угрозу. – Ну тошно же смотреть. Одни рясы чего стоят!

– Что им, в полупендриках ваших ходить?

– Зачем в полупендриках? Никто к этому не призывает. Но, положи руку на сердце: неужели не ясно, что они безнадежно отстали? Вы скажете – мода. А я скажу: да, мода! Ведь если мировые тела совершают свой круг по орбите, то они, строго говоря, не совсем его совершают...

– Тут, очевидно, следует говорить не о моде, – заговорил старик важно и взволнованно, – а о возможном положительном влиянии крайнебесовских тенденций на некоторые устоявшиеся нормы морали...

– Конечно! – воскликнул чёрт, глядя на Мудреца влюблёнными глазами. – Конечно, о возможном положительном влиянии.

– Всякое явление, – продолжал старик, – заключает в себе две функции: моторную и тормозную. Всё дело в том, какая функция в данный момент больше раздражается: моторная или тормозная. Если раздражитель извне попал на моторную функцию – всё явление подпрыгивает и продвигается вперёд, если раздражитель попал на тормозную – всё явление, что называется, съживается и отползает в глубь себя. – Мудрец посмотрел на чёрта и на Ивана. – Обычно этого не понимают...

– Почему, это же так понятно, – сказал чёрт.

– Я всё время твержу, – продолжал Мудрец, – что необходимо учитывать наличие вот этих двух функций. Учитывайте функции, учитывайте функции! Всякое явление, если можно так выразиться, о двух головах: одна говорит «да», другая говорит «нет».

– Я видел явление о трёх головах... – вякнул было Иван, но на него не обратили внимания.

– Ударим одну голову, услышим «да»; ударим другую, услышим «нет». – Старик Мудрец стремительно вскинул руку, нацелился пальцем в чёрта. – Какую ударили вы?

– Мы ударили, которая сказала «да», – не колеблясь, ответил чёрт.

Старик опустил руку.

– Исходя из потенциальных возможностей данных голов, данного явления, голова, которая говорит «да» – крепче. Следует ожидать, что всё явление подпрыгнет и продвинется вперёд. Идите. И – с теорией, с теорией мне!.. – Старик опять погрозил пальцем чёрту. – Манкируете? Смотрите! Распушу!.. Ох, распушу!

Чёрт, мелко кивая головой, улыбаясь, пятился и пятился к выходу... Задом открыл дверь и так с подкупающей улыбкой на мордочке исчез.

Иван же как стоял, так упал на колени перед Мудрецом.

– Батя, – взмолился он, – ведь на мне грех-то: я научил чертей, как пройти в

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
монастырь...

– Ну?.. Встань-ка, встань – я не люблю этого. Встань, – велел Мудрец.

Иван встал.

– Ну? И как же ты их научил? – с улыбкой спросил старик.

– Я подсказал, чтоб они спели родную песню стражника.. Они там мельтешили перед ним – он держался пока, а я говорю: вы родную его запойте, родную его.. Они и запели..

– Какую же они запели?

– «По диким степям Забайкалья».

Старик засмеялся.

– Ах, шельмы! – воскликнул он. – И хорошо запели?

– Так запели, так сладко запели, что у меня у самого горло перехватило.

– А ты петь умеешь? – быстро спросил Мудрец.

– Ну, как умею?.. Так..

– А плясать?

– А зачем? – насторожился Иван.

– Ну-ка.. – заволновался старичок, – вот чего! Поедем-ка мы в одно место. Ах, Ваня!.. Устаю, дружок, так устаю – боюсь, упаду когда-нибудь и не встану. Не от напряжения упаду, заметь, от мыслей.

Тут вошла секретарша Милка. С бумагой.

– Сообщают: вулкан «Дзидра» готов к извержению, – доложила она.

– Ага! – воскликнул старичок и пробежался по кабинету.

– Что? Толчки?

– Толчки. Температура в кратере.. Гул.

– Пойдём от аналогии с беременной женщиной, – подстегнул свои мысли старичок. – Толчки.. Есть толчки? Есть. Температура в кратере.. Общая возбудимость беременной женщины, болтливость её – это не что иное, как температура в кратере. Есть? Гул, гул.. – Старичок осадил мысли, нацелился пальцем в Милку:

– А что такое гул?

Милка не знала.

– Что такое гул? – Старичок нацелился в Ивана.

– Гул?.. – Иван засмеялся – Это смотря какой гул.. Допустим, гул сделает Илья Муромец – это одно, а сделает гул Бедная Лиза – это..

– Вульгартеория, – прервал старичок Ивана. – Гул – это сотрясение воздуха.

– А знаешь, как от Ильи сотрясается! – воскликнул Иван. – Стёкла дребезжат!

– Распушу! – рявкнул старичок. Иван смолк. – Гул – это не только механическое сотрясение, это также.. утробное. Есть гул, который человеческое ухо не может воспринять..

– Ухо-то не может воспринять, а.. – не утерпел опять Иван, но старичок вперил в него строгий взор.

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ну что, тебя распушить?

– Не надо, – попросил Иван. – Больше не буду.

– Продолжим. Все три признака великой аналогии – налицо. Резюме? Резюме: пускай извергается. – Старичок выстрелил пальчиком в секретаршу: – Так и запишите.

Секретарша Милка так и записала. И ушла.

– Устаю, Ваня, дружок, – продолжал старичок свою тему, как если бы он и не прерывался. – Так устаю, что иногда кажется: всё, больше не смогу наложить ни одной резолюции. Нет, наступает момент, и опять накладываю. По семьсот, по восемьсот резолюций в сутки. Вот и захочется иной раз... – Старичок тонко, блудливо засмеялся. – Захочется иной раз пощипать... травки пощипать, ягодки... чёрт-те что!.. И, знаешь ли, принимаю решение... восемьсот первое: перекур! Есть тут одна такая... царевна Несмеяна, вот мы сейчас и нагрянем к ней.

Опять вошла секретарша Милка:

– Сиамский кот Тишка прыгнул с восьмого этажа.

– Разбился?

– Разбился.

Старичок подумал...

– Запишите, – велел он. – Кот Тимофей не утерпел.

– Всё? – спросила секретарша.

– Всё. Какая по счёту резолюция на сегодня?

– Семьсот сорок восьмая.

– Перекур.

Секретарша Милка кивнула головой. И вышла.

– К царевне, дружок! – воскликнул освобождённый Мудрец. – Сейчас мы её рассмешим! Мы её распотешим, Ваня. Грех, грех, конечно, грех... А?

– Я ничего. До третьих петухов-то успеем? Мне ещё идти сколько.

– Успеем! Грех, говоришь? Конечно, конечно, грех. Не положено, да? Грех, да?

– Я не про тот грех... Чертей, мол, в монастырь пустили – вот грех-то.

Старичок значительно подумал.

– Чертей-то? Да – сказал он непонятно – Всё не так просто, дружок, всё, милый мой, очень и очень не просто. А кот-то... А? Сиамский-то. С восьмого этажа! Поехали!

* * *

Несмеяна тихо зверела от скуки.

Сперва она лежала просто так... Лежала, лежала и взывала.

– Повешусь! – заявила она.

Были тут ещё какие-то молодые люди, парни и девушки. Им тоже было скучно. Лежали в купальных костюмах среди фикусов под кварцевыми лампами – загорали. И всем было страшно скучно.

– Повешу-усь! – закричала Несмеяна. – Не могу больше!

Молодые люди выключили транзисторы.

– Ну, пусть, – сказал один. – А что?

– Принеси верёвку, – попросила его.

Этот, которого попросили, полежал-полежал... сел.

– А потом – стремянку? – сказал он. – А потом – крюк искать? Я лучше пойду ей по морде дам.

– Не надо, – сказали. – Пусть вешается – может, интересно будет.

Одна девица встала и принесла верёвку. А парень принёс стремянку и поставил её под крюк, на котором висела люстра.

– Люстру сними пока, – посоветовали.

– Сам снимай! – огрызнулся парень.

Тогда тот, который посоветовал снять люстру, встал и полез на стремянку – снимать люстру. Мало-помалу задвигались... Дело появилось.

– Верёвку-то надо намылить.

– Да, верёвку намыливают... Где мыло?

Пошли искать мыло.

– Есть мыло?

– Хозяйственное... Ничего?

– Какая разница! Держи верёвку. Не оборвётся?

– Сколько в тебе, Алка? – Алка это и есть Несмеяна. – Сколько вешишь?

– Восемьдесят.

– Выдержит. Намыливай.

Намылили верёвку, сделали петлю, привязали конец к крюку... Слезли со стремянки.

– Давай, Алка.

Алка-Несмеяна вяло поднялась... зевнула и полезла на стремянку. Влезла...

– Скажи последнее слово, – попросил кто-то.

– Ой, только не надо! – запротестовали все остальные.

– Не надо, Алка, не говори.

– Этого только не хватает!

– Умоляю, Алка!.. Не надо слов. Лучше спой.

– Ни петь, ни говорить я не собираюсь, – сказала Алка.

– Умница! Давай.

Алка надела на шею петлю... Постояла.

– Стремянку потом ногой толкни.

Но Алка вдруг села на стремянку и опять взвыла:

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Тоже скучно-о!.. – не то пропела она, не то заплакала. – Не смешно-о!

С ней согласились.

– Действительно..

– Ничего нового: было-перебыло.

– К тому же патология.

– Натурализм.

И тут-то вошли Мудрец с Иваном.

– Вот, изволь, – бодренько заговорил старичок, хихикая и потирая руки, – дуреют от скуки. Ну-с, молодые, разумеется, все средства испробованы, а как избавиться от скуки – такого средства нет. Так ведь? Несмеянушка?

– Ты прошлый раз обещал что-нибудь придумать, – зло сказала Несмеяна со стремянки.

– А я и придумал! – воскликнул старичок весело. – Я обещал, я и придумал. Вы, господа хорошие, в поисках так называемого веселья совсем забыли о народе. А ведь не скучал! Народ смеялся!.. Умел смеяться. Бывали в истории моменты, когда народ прогонял со своей земли целые полчища – и только смехом. Полчища окружали со всех сторон крепостные стены, а за стенами вдруг раздавался могучий смех... Враги терялись и отходили. Надо знать историю, милые люди... А то мы... слишком уж остроумные, интеллектуальные... а родной истории не знаем. А, Несмеянушка?

– Что ты придумал? – спросила Несмеяна.

– Что я придумал? Я взял и обратился к народу! – не без пафоса сказал старичок.
– К народу, к народу, голубушка. Что мы споем, Ваня?

– Да мне как-то неловко: они нагишом все... – сказал Иван. – Пусть хоть оденутся, что ли.

Молодые безразлично промолчали, а старичок похихикал снисходительно – показал, что он тоже не в восторге от этих средневековых представлений Ивана о стыдливости.

– Ваня, это... Ну, скажем так: не нашего ума дело. Наше дело – петь и плясать. Верно? Балалайку!

Принесли балалайку.

Иван взял её. Потренькал, потинькал – подстроил... Вышел за дверь... И вдруг влетел в комнату – чуть не со свистом и с гиканьем – с частушкой:

Эх, милка моя,
Шевелилка моя,
Сама ходит шевелит..

– О-о!.. – застонали молодые и Несмеяна – Не надо! Ну, пожалуйста..

– Не надо, Ваня.

– Так, – сказал старичок. – На языке офеней это называется – не прохонже. Двинем резерв. Перепляс! Ваня, пли!

– Пошёл к чёртовой матери! – рассердился Иван. – Что я тебе, Петрушка? Ты же видишь, им не смешно! И мне тоже не смешно.

– А справка? – зловеще спросил старичок. – А? Справка-то... Её ведь надо заработать.

– Ну вот, сразу – в кусты. Как же так, батя?

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А как же! Мы же договорились.

– Но им же не смешно! Было бы хоть смешно, ей-богу, но так-то... Ну стыдно же, ну...

– Не мучай человека, – сказала Несмеяна старичку.

– Давай справку, – стал нервничать Иван. – И так проваландались сколько. Я же не успею. Первые петухи-то когда ишо пропели!.. Вот-вот вторые грянут, а до третьих надо успеть. А мне ишо идти да идти.

Но старичок решил всё же развеселить молодёжь. И пустился он на очень и очень постыдный выверт – решил сделать Ивана посмешищем: так охота ему стало угодить своей «царевне», так невтерпёж сделалось старому греховоднику. К тому же и досада его взяла, что никак не может рассмешить этих скучающих баранов.

– Справку? – спросил он с дурашливым недоумением. – Какую справку?

– Здрассте? – воскликнул Иван. – Я же говорил...

– Я забыл, повтори.

– Что я умный.

– А! – «вспомнил» старичок, всё стараясь вовлечь в нехорошую игру молодёжь тоже. – Тебе нужна справка, что ты умный. Я вспомнил. Но как же я могу дать такую справку? А?

– У тебя же есть печать...

– Да печать-то есть... Но я же не знаю: умный ты или нет. Я, допустим, дам тебе справку, что ты умный, а ты – дурак дураком. Что это будет? Это будет подлог. Я не могу пойти на это. Ответь мне прежде на три вопроса. Ответишь – дам тебе справку, не ответишь – не обессудь.

– Давай – с неохотой сказал Иван. – Во всех предисловиях писано, что я вовсе не дурак.

– Предисловия пишут... Знаешь, кто предисловия пишет?

– Это что, первый вопрос?

– Нет, нет. Это ещё не вопрос. Это так... Вопрос вот какой; что сказал Адам, когда Бог вынул у него ребро и сотворил Еву? Что сказал при этом Адам? – Старичок искоса и лукаво поглядел на свою «царевну» и на других молодых: поинтересовался, как приняли эту его затею с экзаменом. Сам он был доволен. – Ну? Что же сказал Адам?

– Не смешно – сказала Несмеяна. – Тупо. Плоско.

– Самодеятельность какая-то – сказали и другие. – Идиотизм. Что он сказал? «Сам сотворил, сам и живи с ней»?

Старичок угодливо засмеялся и выстрелил пальчиком в молодого человека, который так сострил. – Очень близко!.. Очень!

– Мог бы и поостроумнее сказать.

– Минуточку... Минуточку... – суетился старичок. – Самое же интересное – как ответит Иван! Ваня, что сказал Адам?

– А можно, я тоже задам вопрос? – в свою очередь спросил Иван. – Потом...

– Нет, сначала ответь: что сказал...

– Нет, пусть он спросит – закапризничала Несмеяна. – Спроси, Ваня.

– Да что он может спросить? Почём куль овса на базаре?

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Спроси, Ваня. Спроси, Ваня. Ваня, спроси. Спроси, Ваня!

– Ну-у, это уже ребячество, – огорчился старичок. – Хорошо, спроси, Ваня.

– Ответь мне, почему у тебя одно лишнее ребро? – Иван, подражая старичку, нацелился в него пальцем.

– То есть? – опешил тот.

– Нет, нет, не «то есть», а почему? – заинтересовалась Несмеяна. – И почему ты это скрывал?

– Это уже любопытно, – заинтересовались и другие. – Лишнее ребро? Это же из ряда вон!..

– Так вот вся мудрость–то откуда!

– Ой, как интересно–о!

– Покажите, пожалуйста. Ну, пожалуйста!

Молодые люди стали окружать старичка.

– Ну, ну, ну, – испугался старичок, – зачем же так? Ну что за шутки? Что, так понравилась мысль дурака, что ли?

Старичка окружали всё теснее. Кто-то уже тянулся к его пиджаку, кто-то дёргал за штаны – Мудреца вознамерились раздеть без всяких шуток.

– И скрывать действительно такое преимущество... Зачем же?

– Подержите–ка пиджак, пиджак подержите!.. О, тут не очень–то их прощупаешь!

– Прекратите! – закричал старичок и начал сопротивляться изо всех сил, но только больше раззадоривал этим. – Немедленно прекратите это безобразие! Это не смешно, понимаете? Это не юмор, это же не юмор! Дурак пошутил, а они... Иван, скажи, что ты пошутил!

– По-моему, я уже нащупал!.. Рубашка мешает, – вовсю шуровал один здоровенный парень. – У него тут ещё майка... Нет, тёплое бельё! Синтетическое. Лечебное. Подержите–ка рубашку...

С Мудреца сняли пиджак, брюки. Сняли рубашку. Старичок предстал в нижнем тёплом белье.

– Это безобразие! – кричал он. – Здесь же нет основания для юмора! Когда смешно? Смешно, когда намерения. цель и средства – всё искажено! Когда налицо отклонение от нормы!

Здоровенный парень деликатно похлопал его по круглому животу.

– А это... разве не отклонение?

– Руки прочь! – завопил старичок. – Идиоты! Придурки!.. Никакого представления, что такое смешно!.. Кретины! Лежебоки...

В это время его аккуратненько пощекотали, он громко захохотал и хотел вырваться из окружения, но молодые бычки и тёлки стояли весьма плотно.

– Почему вы скрывали о наличии лишнего ребра?

– Да какое ребро? Ой, ха-ха-ха!.. Да где? Ха-ха-ха!.. Ой, не могу!.. Это же... Ха-ха-ха!.. Это же... Ха-ха-ха!..

– Дайте ему сказать.

– Это примитив! Это юмор каменного века! Всё глупо, начиная с ребра и кончая

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
вашим стремлением... Ха-ха-ха!.. О-о-о!.. – И тут старичок пукнул, так это –
по-старчески, негромко дал, и сам очень испугался, весь встрепенулся и съёжился.

А с молодыми началась истерика. Теперь хохотали они, но как! – вздох, легли.
Несмеяна опасно качалась на стремянке, хотела слезть, но не могла двинуться от
смеха. Иван полез и снял её. И положил рядом с другими – хохотать. Сам же нашёл
брюки старика, порылся в кармане... И нашёл. Печать. И взял её.

– Вы пока тут занимайтесь – сказал он – а мне пора отправляться.

– Зачем же ты всю-то... печать-то? – жалко спросил Мудрец – Давай, я тебе справку
выдам.

– Я сам теперь буду выдавать справки. Всем подряд, – Иван пошёл к двери. –
Прощайте.

– Это вероломство, Иван, – сказал Мудрец. – Насилие.

– Ничего подобного, – Иван тоже стал в позу. – Насилие – это когда по зубам
бьют.

– Я ведь наложу резолюцию! – заявил Мудрец с угрозой. – Наложу ведь – заплешете!

– Слабо, батя! – крикнули из компании молодых. – Клади!

– Возлюбленный мой! – заломила руки в мольбе Несмеяна. – Наложу! Кольхни
атмосферу!

– Решение! – торжественно объявил Мудрец. – Данный юмор данного коллектива
дураков объявляется тупым! А также несвоевременным и животным, в связи с чем он
лишается права выражать собой качество, именуемое в дальнейшем – смех. Точка.
Мой так называемый нежданчик считать недействительным.

* * *

И грянула вдруг дивная, стремительная музыка... И хор. Хор, похоже, поёт и
движется – приплясывают.

Песенка чертей
Аллилуйя – вот,
Три-четыре – вот.

Шуры-муры.
Шуры-муры.

Аллилуйя-а!
Аллилуйя-а!

Мы возьмём с собой в поход
На покладистый народ –
Политуру.

Политуру.
Аллилуйя-а!

Аллилуйя-а!
Наше – вам

С кистенём;
Под забором,
Под плетнём –

Покультуриим.
Покультуриим.

Аллилуйя-а!
Аллилуйя-а!

Это где же так дивно поют и пляшут? Где так умеют радоваться? Э-э!.. То в
монастыре. Черти. Монахов они оттуда всех выгнали, а сами веселятся.

Когда наш Иван пришёл к монастырю, была глубокая ночь. Над лесом, близко, висела
луна. На воротах стоял теперь стражник-чёрт. Монахи же облепили забор и
смотрели, что делается в монастыре. И там-то как раз шёл развесёлый бесовский
ход: черти шли процессией и пели с приплясом. А песня их далеко разносилась
вокруг.

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Ивану стало жалко монахов. Но когда он подошёл ближе, он увидел: монахи стоят и подёргивают плечами в такт чёртовой музыке. И ногами тихонько пристукивают. Только несколько – в основном пожилые – сидели в горестных позах на земле и покачивали головами... Но вот диковина; хоть и грустно они покачивали, а всё же в такт. Да и сам Иван – постоял маленько и не заметил, как стал тоже подёргиваться и притопывать ногой, словно зуд его охватил.

Но вот визг и песнопение смолкло в монастыре – видно, устали черти, передых взяли. Монахи отошли от забора... И тут вдруг вылез из канавы стражник-монах и пошёл с пьяных глаз на своё былое место.

– Ну-ка, брысь! – сказал он чёрту. – Ты как здесь?

Чёрт-стражник снисходительно улыбался.

– Иди, иди, дядя, иди проспись. Отойди!

– Эт-то што такое?! – изумился монах. – По какому такому праву? Как ты здесь оказался?

– Иди проспись, потом я тебе объясню твоё право. Пшёл!

Монах полез было на чёрта, но тот довольно чувствительно ткнул его пикой.

– Пшёл, говорят! Налют глаза-то и лезут... Не положено подходить! Вон инструкция висит: подходить к воротам не ближе десяти метров.

– Ах ты, харя! – заругался монах – Ах ты, аборт козлийный!.. Ну, ладно, ладно... Дай, я в себя приду, я тебе покажу инструкцию. Я тебя самого повешу вместо инструкции!

– И выражаться не положено, – строго заметил чёрт. – А то я тебя быстро определю – там будешь выражаться, сколько влезет. Обзывать он будет! Я те пообзываюсь! Иди отсюда, пока я те... Иди отсюда! Бочка пивная. Иди отсюда!

– Агафангел! – позвали монаха. – Отойди... А то наживёшь беды. Отойди от греха.

Агафангел, покачиваясь, пошёл восвояси. Пошёл и загудел:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роят в горах,
Бродяга, судьбу проклиная...
Чёрт-стражник захихикал ему в спину.

– Агафангел... – сказал он, смеясь. – И назовут же! Уж скорей – «Агавинус». Или просто – «Вермут».

– Што же это, братцы, случилось-то с вами? – спросил Иван, подсаживаясь к монахам. – Выгнали?

– Выгнали, – вздохнул один седобородый. – Да как выгнали! Пиночьями, вот как выгнали! Взашей попросили.

– Беда, беда, – тихо молвил другой. – Вот уж беда так беда: небывалая. Отродясь такой не видывали.

– Надо терпеть, – откликнулся совсем ветхий старичок и слабо высморкался. – Укрепиться и терпеть.

– Да что же терпеть-то?! – воскликнул Иван. – Что терпеть-то?! Надо же что-то делать!

– Молодой ты, – урезонили его. – Потому и шумишь. Будешь постарше – не будешь шуметь. Што делать? Што тут сделаешь – вишь, сила какая!

– Это нам за грехи наши.

– За грехи, за грехи... Надо терпеть.

– Будем терпеть.

Иван с силой, зло, стукнул кулаком себя по колену. И сказал горько:

– Где была моя голова дурная?! Где она была, тыква?! Я виноватый, братцы, я виноватый! Я подкузьмил вам. На мне грех.

– Ну, ну, ну, – стали его успокаивать. – Что ты? Эка, как тебя сграбастало. Чего ты?

– Эх-х!.. – сокрушался Иван. И даже заплакал. – Сколько же я на душу взял... за один-то поход! Как же мне тяжело!..

– Ну, ну... Не казись, не надо. Что теперь сделаешь? Надо терпеть, милоч.

Тут вышел из ворот Изящный чёрт и обратился ко всем.

– Мужички, – сказал он, – есть халтура! Кто хочет заработать?

– Ну? А чего такое? – зашевелились монахи. – Чего надо-то?

– У вас там портреты висят... в несколько рядов...

– Иконы.

– А?

– Святые наши, какие портреты?

– Их надо переписать: они устарели.

Монахи опешили.

– И кого же заместо их писать? – тихо спросил самый старый монах.

– Нас.

Теперь уж все смолкли. И долго молчали.

– Гром небесный, – сказал старик монах. – Вот она, кара-то.

– Ну? – торопил Изящный чёрт. – Есть мастера? Заплатим прилично... Всё равно ведь без дела сидите.

– Бей их! – закричал вдруг один монах.

И несколько человек вскочило... И кинулись на чёрта, но тот быстро вбежал в ворота, за стражника. А к стражнику в момент подстроились другие черти и выставили вперёд пики. Монахи остановились.

– Какие вы всё же... грубые, – сказал им Изящный чёрт из-за частокола. – Невоспитанные. Воспитывать да воспитывать вас... Дикари. Пошехонь. Ничего, мы за вас теперь возьмёмся – И он ушёл.

И только он ушёл, в глубине монастыря опять грянула музыка... И послышался звонкий перестук копыт по булыжнику – черти били на площади массовую чечётку. Иван взялся за голову и пошёл прочь.

* * *

Шёл он по лесу, а его всё преследовала, догоняла, стегала окаянная музыка, чертячий пляс. Шёл Иван и плакал – так горько было на душе, так мерзко. Сел он на ту же поваленную лесину, на какой сидел в прошлый раз. Сел и задумался. Сзади подошёл Медведь и тоже присел.

– Ну, сходил? – спросил он.

– Сходил, – откликнулся Иван. – Лучше бы не ходил...

– Что? Не дали справку?

Иван только рукой махнул, не стал говорить – больно было говорить.

Медведь прислушался к далёкой музыке... И всё понял без слов.

– Эти... – сказал он. – Всё пляшут?

– Где пляшут-то? В монастыре пляшут-то!

– Ох, мать честная! – изумился Медведь. – Прошли?

– Прошли.

– Ну, всё, – сказал Медведь обречённо, – надо уходить. Я так и знал, что пройдут.

Они помолчали.

– Слушай, – заговорил Медведь, – ты там ближе к городу... Какие условия в цирке?

– Вроде ничего... Я, правда, не шибко знаю, но так, слышно, ничего.

– Как насчёт питания, интересно... Сколькиразовое?

– Шут его знает. Хочешь в цирк?

– Ну, а что делать-то? Хочешь не хочешь – пойдёшь. Куда больше?

– Да, – вздохнул Иван. – Дела.

– Сильно безобразничают? – спросил Медведь, закуривая. – Эти-то?

– А что же... смотреть, что ли, будут!

– Это уж... не для того старались. Погарцуют теперь. Тьфу, в душу мать-то совсем!.. – Медведь закашлялся. Долго с хрипом кашлял. – Ещё откажут вот... цирке-то. Собрался... Забракуют. Лёгкие как тряпка стали. Бывало, пробку вышибал – с оглоблю толщиной вылетала, а давеча за коровой погнался... кхо, кхо, кхо... с версту пробежал и язык высунул. А там небось тяжести надо подымать.

– Там надо на задних лапах ходить, – сказал Иван.

– Зачем? – не понял Медведь.

– Да что же ты, не знаешь, что ли? Тех и кормят, кто на задних лапах умеет. Любая собака знает...

– Да какой интерес-то?

– Это уж я не знаю.

Медведь задумался. Долго молчал.

– Ну и ну, – сказал.

– У тебя семья-то есть? – поинтересовался Иван.

– Где!.. – горько, с отчаянием воскликнул Михайло Иваныч. – Разогнал. Напился, начал буянить-то – они все разбежались. Где теперь, сам не знаю. – Он ещё помолчал. И вдруг встал и рывкнул: – Ну, курва! Напьюсь водки, возьму оглоблю и пойду крушить монастырь!

– Зачем же монастырь-то?

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Они же там!

– Нет, Михайло Иваныч... не надо. Да ты и не попадешь туда.

Михайло Иваныч сел и трясущимися лапами стал закуривать.

– Ты не пьешь? – спросил.

– Нет.

– Зря, – зло сказал Михайло Иваныч. – Легче становится. Хошь, научу?

– Нет, – решительно сказал Иван. – Я пробовал – она горькая.

– Кто?

– Водка-то.

Михайло Иваныч оглушительно захохотал... И хлопнул Ивана по плечу.

– Эх, дитё ты, дитё!.. Чистое дитё, ей-богу. А то научу?

– Нет. – Иван поднялся с лесины. – Пойду: время осталось с гулькин нос. Прощай.

– Прощай, – сказал Медведь.

И они разошлись в разные стороны.

* * *

И пришёл Иван к избушке Бабы-Яги. И хотел уж было мимо протопать, как услышал – зовут:

– Иванушка, а Иванушка! Что ж мимо-то?

Оглянулся Иван – никого.

– Да здесь я, – опять голос, – в сортире!

Видит Иван – сортир, а на двери – замок пудовый. И голос-то – оттуда, из сортира.

– Кто там? – спросил Иван.

– Да я это, дочка Бабы-Яги... усатая-то, помнишь?

– Помню, как же. А чего ты там? Кто тебя?

– Выручи меня отсюда, Иванушка... Открой замок. На крылечке, под половиком, ключ, возьми его и открой. Потом расскажу всё.

Иван нашёл ключ, открыл замок. Усатая дочь Бабы-Яги выскочила из сортира и стала шипеть и плевать.

– Вот как нынче с невестами-то!.. Ну, змей!.. Я тебе этого не прощу, я тебе устрою...

– Это Горыныч тебя туда законопатил?

– Горыныч... Тьфу, змей! Ладно, ладно... чердак в кубе, я тебе тоже придумаю гауптвахту, гад.

– За что он тебя? – спросил Иван.

– Спроси у него! Воспитывает. Полковника из себя изображает – на гауптвахту посадил. Слова лишнего не скажи! Дубина такая. – Дочка Бабы-Яги вдруг внимательно посмотрела на Ивана. – Слушай – сказала она – хочешь стать моим любовником? А?

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Иван оторопел поначалу, но невольно оглядел усатую невесту: усатая-то она усатая, но остальное-то всё при ней, и даже больше – и грудь, и всё такое. Да и усы-то... это ведь... что значит усы? Тёмная полоска на губе, какие это, в сущности, усы, это не усы, а так – признак.

– Я что-то не понял... – замялся Иван. – Как-то это до меня... не совсем... не того...

– Ванька, смотри! – раздался вдруг голос Ильи Муромца. – Смотри, Ванька!

– Начинается! – поморщился Иван. – Заванькал.

– Что начинается? – не поняла невеста, она не могла слышать голос Ильи: не положено. – Можно подумать, что тебе то и дело навяливаются в любовницы.

– Да нет, – сказал Иван, – зачем? Я в том смысле, что... значит, это... дело-то такое...

– Чего ты мямлишь-то? Вот мямлит стоит, вот крутит. Да так да, нет – нет, чего тут крутить-то? Я другого кого-нибудь позову.

– А Баба-яга-то?

– Она в гости улетела. А Горыныч на войне.

– Пошли, – решился Иван. – У меня полчаса есть ещё. Побалуемся.

Вошли они в избушку... Иван скинул лапоточки и вольготно прилёг пока на кровать.

– Устал, – сказал он. – Ох, и устал же! Где только не был! И какого я только сраму не повидал и не натерпелся...

– Это тебе не на печке сидеть. Что лучше: салат или яишенку?

– Давай чего-нибудь на скорую руку... Время-то – к свету.

– Успеешь. Лучше мы яишенку, с дороги-то – посытней. – Дочь Бабы-Яги развела на шестке огонёк под таганком, поставила сковородку.

– Пусть пока разогревается... Ну-ка, поцелуй меня – как ты умеешь? – И дочь Бабы-Яги навалилась на Ивана и стала баловаться и резвиться. – О-о, да ты не умеешь ничего! А лапти снял!

– Кто не умеет? – взвился Иван соколом. – Я не умею? Да я тут сейчас так размахнусь, что ты... Держи руку! Руку держи! Да мою руку-то, мою, держи, чтоб не тряслась. Есть? Держи другую, другую держи!.. Держишь?

– Держу? Ну?..

– Отпускай-ай, – заорал Иван.

– погоди, сковородка перекалилась, наверно, – сказала дочь Бабы-Яги. – Ты смотри, какой ты! А ребёночка сделаешь мне?

– Чего же не сделать? – вовсю раздухарился Иван. – Хоть двух. А сумеешь ты с ним, с ребёночком-то? С имя ведь возни да возни... знаешь сколько!

– Я уже пеленать умею, – похвасталась дочь Бабы-Яги. – Хошь, покажу? Сейчас яишенку поставлю... и покажу.

Иван засмеялся:

– Ну, ну...

– Сейчас увидишь. – Дочь Бабы-Яги поставила на огонь яичницу и подошла к Ивану. – Ложись.

– Зачем я-то?

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– я тебя спеленаю. Ложись.

Иван лёг... И дочь Бабы-Яги стала пеленать его в простыни.

– Холёсенький мой, – приговаривала она, – маленький мой... Сынуленька мой. Ну-ка, улыбнись мамочке. Ну-ка, как мы умеем улыбаться? Ну-ка?..

– У-а-а, у-а-а, – поплакал Иван. – Жратеньки хочу-у, жратеньки хочу-у!..

Дочь Бабы-Яги засмеялась:

– А-а, жратеньки захотели? Жратеньки захотел наш сынуленька... Ну, вот... мы и спеленали нашего маленького. Счас мы ему жратеньки дадим... всё дадим. Ну-ка, улыбнись мамочке.

Иван улыбнулся «мамочке».

– Во-от... – Дочь Бабы-Яги опять пошла в куть. Когда она ушла, в окно, с улицы, прямо над кроватью, просунулись три головы Горыныча. И замерли, глядя на спелёнатого Ивана... И долго молчали. Иван даже зажмурился от жуты.

– Утютюсеньки, – ласково сказал Горыныч. – Маленький... Что же ты папе не улыбаешься? Мамочке улыбаешься, а папе не хочешь. Ну-ка, улыбнись. Ну-ка?

– Мне не смешно, – сказал Иван.

– А-а, мы, наверно, того?.. Да, маленький?

– По-моему, да, – признался Иван.

– Мамочка! – позвал Горыныч – Иди, сыночек обкакался.

Дочь Бабы-Яги уронила на пол сковородку с яшенкой... Остолбенела. Молчала.

– Ну, что же вы? Чего же не радуетесь? Папочка пришёл, а вы грустные. – Горыныч улыбался всеми тремя головами. – Не любите папочку? Не любят, наверно, папочку, не любят... Презирают. Тогда папочка будет вас жратеньки. Хавать вас будет папочка... С косточками! – Горыныч перестал улыбаться. – С усами! С какашками! Страсти разыгрались?! – загремел он хором. – Похоть свою чесать вздумали?! Игры затеяли?! Представления?.. Я проглочу весь этот балаган за один раз!

– Горыныч, – почти безнадежно сказал Иван, – а ведь у меня при себе печать... Я вместо справки целую печать добыл. Эт-то ведь... того... штука! Так что ты не ори тут. Не ори! – Иван – от страха, что ли – стал вдруг набирать высоту и крепость в голосе. – Чего ты разорался? Делать нечего? Схавает он... Он, видите ли, жратеньки нас будет! Вон она, печать-то – глянь! Вон, в штанах. Глянь, если не веришь! Припечатаю на три лба, будешь тогда...

Тут Горыныч усмехнулся и изрыгнул из одной головы огонь, опалил Ивана. Иван смолк... Только ещё сказал тихо:

– Не балуйся с огнём. Шуточки у дурака.

Дочь Бабы-Яги упала перед Горынычем на колени.

– Возлюбленный мой, – заговорила она, – только пойми меня правильно я же тебе его на завтрак приготовила. Хотела сюрприз сделать. Думаю: прилетит Горыныч, а у меня для него что-то есть вкусненькое... тёпленькое, в простынках.

– Вот твари-то! – изумился Иван. – Сожрут и скажут: так надо, так задумано. Во, парочка собралась! Тьфу!.. Жри, прорва! Жри, не тяни время! Проклинаю вас!

И только Горыныч изготовился хамкнуть Ивана, только открыл свои пасти, в избушку вихрем влетел донской Атаман из библиотеки.

– Доигрался, сукин сын?! – закричал он на Ивана. – Допрыгался?! Спеленали!

Горыныч весь встрепенулся, вскинул головы..

– Эт-то что ещё такое? – зашипел он.

– Пошли на полянку, – сказал ему Атаман, вынимая свою неразлучную сабельку. – Там будет способней биться – Он опять посмотрел на Ивана.. Укоризненно сморщился. – Прямо подарок в кулёчке. Как же ты так?

– Оплошал, Атаман... – Ивану совестно было глядеть на донца. – Маху дал... Выручи, ради Христа.

– Не горюй, – молвил казак, – Не таким оглоедам кровя пускали, а этому-то... Я ему враз их смахну, все три. Пошли. Как тебя? Горыныч? Пошли, цапнемся. Ну и уродина!

– Какой у меня завтрак сегодня! – воскликнул Горыныч. – Из трёх блюд. Пошли.

И они пошли биться.

Скоро послышались с полянки тяжёлые удары и невнятные возгласы. Битва была жестокая. Земля дрожала. Иван и дочь Бабы-Яги ждали.

– А чего это он про три блюда сказал? – спросила дочь Бабы-Яги. – Он что, не поверил мне?

Иван молчал. Слушал звуки битвы.

– Не поверил – решила дочь Бабы-Яги. – Тогда он и меня сожрёт: я как десерт пойду.

Иван молчал.

Женщина тоже некоторое время молчала.

– А казак-то!.. – льстиво воскликнула она. – Храбрый какой. Как думаешь, кто одолеет?

Иван молчал.

– Я за казака, – продолжала женщина. – А ты за кого?

– О-о, – застонал Иван. – Помру. От разрыва сердца.

– Что, плохо? – участливо спросила женщина. – Давай я распеленаю тебя – И она подошла было, чтобы распеленать Ивана, но остановилась и задумалась – Нет, подождём пока... Чёрт их знает, как там у них? Подождём.

– Убей меня! – взмолился Иван. – Приткни ножом... Не вынесу я этой муки.

– Подождём, подождём, – трезво молвила женщина. – Не будем пороть горячку. Тут важно не ошибиться.

В это время на поляне сделалось тихо. Иван и дочь Бабы-Яги замерли в ожидании... Вошёл, пошатываясь, Атаман.

– Здоровый бугай, – сказал он. – Насилу одолел, А где эта... А-а, вот она, краля! Ну, чего будем делать? Вслед за дружкой отправить тебя, гадину?

– Тю, тю, тю, – замахала руками дочь Бабы-Яги. – О, мне эти казаки! Сразу на горло брать. Ты хоть узнай сперва, что тут было-то!

– А то я не знаю вас! – Атаман распеленал Ивана и опять повернулся к женщине: – Что же тут было?

– Да ведь он чуть не изнасиловал меня! Такой охальник, такой охальник!.. Заласкаю, говорит, тебя до умопомрачения... И приплод, мол, оставлю: назло

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Горынычу. Такой боевитый, такой боевитый – так и обжигает. – И дочь Бабы-Яги
нескромно захихикала – Прямо огонёк!

Атаман удивлённо посмотрел на Ивана.

– Иван...

– Слушай её больше! – воскликнул Иван горько. – И правда бы, убить тебя, да греха на душу брать неохота – и так уж там... невпроворот всякого. Хотя сейчас бы не крутилась!

– Но какой он ни боевитый, – продолжала женщина, словно не слыша Ивана, – а всё же боевитее тебя, казак, я мужчин не встречала.

– А что, тебе так глянутся боевитые? – игриво спросил Атаман. И поправил ус.

– Брось! – сказал Иван – Пропадём. Не слушай её, змею.

– Да ну, зачем пропадать... Мы её в плен возьмём.

– Пойдём, Атаман: у нас времени вовсе нету. Вот-вот петухи грянут.

– Ты иди, – велел Атаман, – а я тебя догоню. Мы тут маленько...

– Нет, – твёрдо сказал Иван. – С места без тебя не тронусь. Что нам Илья скажет?

– Мх-х, – огорчился казак. – Ну, ладно. Ладно... Не будем огорчать Муромца. До другого разочка, краля! Ишь ты, усатая. Ох, схлестнёмся мы с тобой когда-нибудь... усы на усы! – Атаман громко засмеялся – Пошли, Ивашка. Скажи спасибо Илье – он беду-то почуял. А ведь он остерегал тебя, чего не послушал?

– Да вот... вишь, мы какие боевитые... Не послушал.

Иван с Атаманом ушли.

А дочка Бабы-Яги долго сидела на лавочке, думала.

– Ну, и кто же я теперь? – спросила она сама себя. И сама же себе ответила: – Вдова не вдова и не мужняя жена. Надо кого-нибудь искать.

* * *

В библиотеке Ивана и донца встретили шумно и радостно.

– Слава богу, живы-здоровы.

– Ну, Иван, напужал ты нас! Вот как напужал!..

– Ванюша! – позвала Бедная Лиза. – А, Ванюша!

– погоди, девка, не егози, – остановил её Илья, – дай сперва дело узнать: как сходил-то, Ванька? Добыл справку?

– Целую печать добыл – вот она. – И Иван отдал печать.

Печать долго с удивлением разглядывали, крутили так, этак... Передавали друг другу. Последним, к кому она попала, был Илья: он тоже долго вертел в огромных пальцах печать... Потом спросил всех:

– Ну, так... А чего с ней делать?

Этого никто не знал.

– И зачем было посылать человека в такую даль? – ещё спросил Илья.

И этого тоже теперь никто не знал. Только Бедная Лиза, передовая Бедная Лиза, хотела выскочить с ответом:

До третьих петухов. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Как это ты говоришь, дядя Илья..

– Как я говорю? – жёстко перебил её Муромец. – Я говорю: зачем надо было посылать человека в такую даль? Вот – печать... Что дальше?

Этого и Бедная Лиза не знала.

– Садись, Ванька, на место и сиди, – велел Илья. – А то скоро петухи грянут.

– Нам бы не сидеть, Илья! – вдруг чего-то вскипел Иван. – Не расслаживаться бы нам!..

– А чего же? – удивился Илья. – Ну, спляши тогда. Чего взвился-то? – Илья усмехнулся и внимательно посмотрел на Ивана. – Эка... какой пришёл.

– Какой? – всё не унимался Иван. – Такой и пришёл – кругом виноватый. Посиди тут!..

– Вот и посиди и подумай, – спокойно молвил Илья.

– А пошли на Волгу! – вскинулся и другой путешественник, Атаман. Он сгрёб с головы шапку и хлопнул её об пол. – Чего сидеть?! Сарынь!..

Но не успел он крикнуть свою «сарынь», раздался трубный глас петуха: то ударили третьи. Все вскочили на свои полки и замерли.

– Шапка-то! – вскрикнул Атаман. – Шапку оставил на полу.

– Тихо! – приказал Илья – Не трогаться! Потом подберём... Счас нельзя.

В это время скрежетнул ключ в дверном замке... Вошла тётя Маша, уборщица. Вошла и стала убираться.

– Шапка какая-то... – увидела она. И подняла шапку. – Что за шапка?! Чудная какая-то – Она посмотрела на полки с книгами – Чья же это?

Персонажи сидели тихо, не двигались... И Атаман сидел тихо, никак не показал, что это его шапка.

Тётя Маша положила шапку на стол и продолжала убираться.

Тут и сказке нашей конец. Будет, может быть, другая ночь... Может быть, тут что-то ещё произойдёт... Но это будет уже другая сказка. А этой – конец.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!